

СТИХОМИФИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Кульминация греческой трагедии как агон ее персонажей с прератностями судьбы и неизбежностью рока раскрывается и в эпизодах драмы, и в ее хоровых партиях. Стремительность действия и острота переживаний передаются стихомифией, когда герои обмениваются репликами по одному стиху (реже два или три). Иногда кажется, что они буквально перебивают друг друга, особенно, если их диалоги не столько ситуативно-повествовательные, сколько служат раскрытию дум и переживаний героев, когда они «выплескивают» на зрителя то, что наболело, и тут же принимают решения действовать. Дифирамбам, из которых вышла греческая драма, это не было свойственно, т. к. они представляли собой только прообраз песен хора в трагедии, и в них не было актерской игры.

Нередко стихомифию в трагедии дополняют антилабы (*ἀντιλαβαί*) – очень быстрые и короткие фразы, когда один стих разрывается на две реплики разных персонажей. Сохранив метрическую структуру стиха, они подчеркивают экспрессию происходящего. Проследим этот процесс на примере трех драматургов, взяв на выбор по одной трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида. Рассмотрим в них некоторые случаи стихомифии из множества существующих вариантов.

В трагедии Эсхила «Умоляющие», одной из наиболее ранних¹, хор Данаид выполняет две функции: это и действующее лицо – дочери Дана, и исполняемые ими обычные в трагедии хоровые партии с привычным членением на строфу и антистрофу. Стихомифия может появляться только в диалогических частях. Разговор Данаид с отцом передает их смутнение, страх перед неизвестным будущим, а также стремление девушек быть самостоятельными в выборе стиля поведения с опорой на защиту богов. Собственно стихомифия начинается с 210 стиха. Перед этим реплика хора также диалогического характера служит ответом наставлению отца, как им беседовать с царем Пеласгом. Данай кончает свое назидание почти поговоркой, это похоже на народную мудрость, *apte dictum*: «Не подобает слабым быть дерзкими на язык» (v. 203). На что Данаиды резонно замечают: «Отец, ты говоришь разумно с разумными [людьми]» (v. 204 *πάτερ φρονοῦντως πρὸς φρονοῦντας ἐνιέπεις*). Употребление одного корня в *adverbium* и в *participium* подчеркивает чувство собственного достоинства дев, считающих себя достаточно взрослыми, чтобы понимать всю сложность своего положения, и

¹ Тронский И. М. Оксиринхская дидакалия Эсхила о Данаидах / ВДИ, 1957, № 2. С. 146-159.

будто бы не нуждающихся в излишней опеке отца. Так передан вечный конфликт отцов и детей в эсхилловской интерпретации известного мифа.

Начинает эту «борьбу» реплик одиночными стихами Данай, отталкиваясь от призыва дочерей к Зевсу (v. 206): «Вот пусть он (т. е. бог) и посмотрит благосклонным взором.» Это v. 210, идущий в нашем издании² сразу же за v. 206, т. к. 3 стиха стихомифии (v. 208 – хор, v. 207 – Данай, v. 209 – хор), в рукописном чтении идущие в указанном цифрами порядке, редактор нашего текста меняет местами, считая, вероятно, это более целесообразным с точки зрения высказанного ими смысла. Независимо от порядка стихов посмотрим, о чем разговор беглянок с отцом. Их просто страшит предстоящее, т. к. оно неизвестно. Несмотря на высказанную самостоятельность, девушки «жмутся» ближе к родителю: «Как бы я хотела быть ближе к тебе!» (v. 208). Теперь уже Данай отвечает резонно: «Не мешкай, а принимай решение» (v. 207). В буквальном переводе: «Пусть будет сила [найденного] средства (μηχανῆς δ' ἔστω κράτος). От отца, как кажется дочерям, реальной помощи нет, они опять обращаются к богу (v. 209): «О Зевс, сжался, пока мы не погибли от бед». Схолии дают пояснение к этому стиху³: «Чтобы тебе не пришлось жалеть нас после того, как мы погибнем, говорят они богу». Отец их успокаивает (v. 211): «Все закончится хорошо, стоит ему (т.е. Зевсу) захотеть». Неизвестно, какова следующая реплика Данаид т.к. этот стих отсутствует. Вероятно, светает, ведь Данай предлагает позвать «Зевсову птицу» (v. 212). Данаиды соглашаются: «Ведь лучи солнца спасительны» (v. 213). На это откликается схолиаст: «Эта птица – солнце, оно будит нас по утрам, как петух». «К каким еще богам обратиться за помощью?», – быстро перебрасывается фразами отец с дочерьми. «А вот и знак бога – трезубец», – говорит Данай (v. 218). Девы сразу отзываются: «Если он нас хорошо послал (т. е. сопровождал по морю), то пусть и на земле хорошо примет» (v. 219). Ясно и без схолий, что речь идет о Посейдоне. Но как его трезубец может «видеть» с берега Данай (ὄρω – v. 218)? Это не понимает и схолиаст и объясняет: ἐν γραφῇ – «на изображении». О декорации ли тут речь, и насколько этот бог узнаваем беглецами из Египта? Ведь Данай в последней реплике стихомифии говорит, что это «другой Гермес по эллинским законам» (v. 220). Схолии поясняют, что египтяне иначе его рисуют. Десять стихов стихомифии (455-466) передают разговор девиц с царем Аргоса

² Aeschlyli septem quae supersunt tragoedias/ ed. D.Page. Oxonii, 1975.

³ Scholia Graeca in Aeschylum quae exstant omnia/ ed.O.L.Smith. Leipzig, 1976.

Пеласгом. Этот стремительный диалог расположен между двумя монологами царя, где он, взвешивая все *pro et contra*, размышляет, помогать ли Данаидам, ведь либо богов прогневить, не дав приюта умоляющим, либо новая беда – нажить врагов и возможную войну для своего народа, доверившего ему свой покой и защиту. «Я предпочитаю быть несведущим в горестях, чем быть умудренным ими», – говорит Пеласг (v. 453 $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega \delta' \alpha\acute{\iota}\delta\rho\iota\varsigma \mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu \eta\acute{\iota} \sigma\omicron\phi\omicron\varsigma \kappa\alpha\kappa\acute{\omega}\nu$). Видя его колебания, Данаиды грозят самоубийством (v. 457): «Есть у нас пояса и завязки от пеплоса». Теперь уже царь делает вид, что не понимает их: «Ведь это, пожалуй, и подобает женской одежде» (v. 458). Так уходит Пеласг от ответственности, но хор Данаид возвращает его к выбору решения (v. 459): «Знай, что из этого получится прекрасное средство». Пеласг как будто продолжает недоумевать (v. 462): «На что годится это средство?» Тогда Данаиды обещают украсить алтарь новыми изображениями (v. 463). «Что за загадочная речь», – откликается царь, – «Скажи попросту» (v. 464). И когда в следующем стихе девы говорят, что повесятся на своих поясах прямо на алтаре (v. 465), Пеласг наконец-то откликается как должно сердобольному человеку и благочестивому правителю (v. 466): «Я услышал рассказ, бичующий сердце» ($\mu\alpha\sigma\tau\iota\kappa\tau\acute{\eta}\rho\alpha \kappa\alpha\rho\delta\iota\alpha\varsigma \lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$). И хор Данаид заканчивает стихомифию с облегчением (v. 467): «Ну, уразумел ($\xi\upsilon\nu\eta\kappa\alpha\varsigma$), ведь я объяснила яснее» (букв. «снабдила глазами» говоримое – $\acute{\omega}\mu\mu\acute{\alpha}\tau\omega\sigma\alpha \gamma\acute{\alpha}\rho \sigma\alpha\phi\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\nu$).

Оба диалога Данаид с отцом и Пеласгом, в которых они ищут помощи и защиты, неожиданно раскрывают характер дев с другой стороны. Да, они по-женски слабы и беспомощны на чужбине, их враги вот-вот появятся, но они настойчивы и упорны, умеют постоять за себя. Девы не просто молят (отсюда название драмы «Умоляющие»), они способны к выбору крайнего решения в случае неудачи. Это их способ сопротивления своей судьбе. Стихомифия показывает, как складывается этот выбор натур отнюдь не слабых, и принимается решение на глазах зрителя.

В трагедии Софокла «Филоктет» главный герой, у которого обманом отняли лук и стрелы, дающие ему средство к жизни, готов отправиться в Аид к отцу, потому что у данайцев справедливости не найти (v. 1210-1217)⁴. Одиссей удовлетворен как человек, выполнивший свой долг. Однако Неоптолем не просто чувствует несправедливость, но сознает всю подлость содеянного, т. к. Филоктет беспомощен и болен. Сын Ахилла страдает от вины и готов исправить зло. Одиссей же делает вид, что нет ничего дурного, ведь

⁴ Sophokles/ erkl. von F. W. Scheidewin. Berlin, 1880.

оружие нужно войску. Не переубедив Неоптолема, он грозит применить силу. Этот агон справедливости и непорядочности передает также стихомифия (v.v. 1224-1255). Все реплики Одиссея в ней сводятся к одному вопросу: «А что собственно такого произошло?». В них постоянны вопросительные местоимения.

v.1225 «Ты говоришь ужасные вещи, в чем же был проступок?» (ἀμαρτία τίς).

v.1227 «Какое дело ты сделал из тех, что не пристойны?» (ἔργον ποῖον).

Опять об этом два вопроса в одном стихе (v.1228): «Какого человека ты обманул? Неужели ты замышляешь что-то новое?». Здесь νέον в значении «неожиданное». Одиссей хочет сказать: «Неужели от тебя надо ждать подвоха? Ты нам испортишь дело». В следующем стихе стихомифии Неоптолем также в одной строке отвечает на оба вопроса Одиссея, только меняет их очередность. Получается хиазм с опорным словом νέον в конце одного и начале другого стиха, а также аллитерация (ποῖον и Ποίαντος).

Одиссей (v. 1229): τὸν ποῖον; ὧμοι τι βουλευῆι νέον;

Неоптолем (v.1230): νέον μὲν οὐδέν, τῷ δὲ Ποίαντος τόκῳ.

«Нового ничего, [а поступил бесстыдно] с сыном Пеана».

Одиссей не дает досказать, опять перебивает вопросом (v. 1231): «Что ты станешь делать?». Неоптолем говорит о луке, отнятом обманом у Филоктета (v. 1232). Одиссей, заклиная Неоптолема именем бога, призывает одуматься новым вопросом (v.1233): ὦ Ζεῦ, τί λέξεις. В ответе Неоптолема первое слово – αἰσχρῶς («стыдно» – v. 1234). Оружие Филоктета добыто позором, это несовместимо с Зевсом. В следующем стихе Одиссей опять прибегает к «отеческим богам» (v. 1235): «Не насмехаешься ли ты», – говорит он Неоптолему. На что тот резонно отвечает (v. 1236): «Ну, если говорить правду – это насмешка...». Одиссей опять пытается привести его в «чувство» вопросами (v. 1242): τί φήσ; τίν' εἶρηκας λόγον. На протяжении всей стихомифии в этих вопросах Одиссея слова λέγω, λόγον. Одиссей делает вид, что невозможно понять, что говорит этот «неразумный мальчик». Тогда Неоптолем почти дерзит старшему (v. 1238): «Ты хочешь, чтобы я повторил это дважды и трижды?». Одиссей уже непритворно зол (v. 1249): «Единожды не слушать предпочел бы». Неоптолем, утвердившись в своей правоте, смелеет в словах (v. 1240): «Так затверди теперь все то, что ты услышал» (εἰ νῦν ἐπίστῳ πάντ' ἀκηκόως λόγον). Одиссей угрожает, есть тот кто помешает ему это сделать (v. 1241). Теперь похожим вопросом парирует Неоптолем (v. 1242): «О чем ты говоришь, кто ж это будет?» (τί φήσ, τίς ἔσται). В конце спора нередки антилабы (v.v. 1248, 1254, 1255), когда герои почти сходятся в ру

копашную и хватаются за мечи, чтобы отстоять свою правоту в одном стихе, разорванном на две реплики двух спорящих. Внутри одной строки происходит борьба двух мировоззрений, ощутимых на слух. После этого Одиссей благоразумно решает не связываться и передать все войску (v.1257-1258). В этой сцене Софокл опять «на глазах зрителя» нерешительного мальчика Неоптолема превращает во взрослого человека с обостренным чувством справедливости: от смутного предчувствия неправды Неоптолем приходит к осознанию постыдности своего поступка и твердому намерению не участвовать в подлости.

Стихомифия Еврипида также служит драматическому накалу страстей, напряженной патетике борьбы героев с собой и обстоятельствами, формированию решающего выбора. Всем этим задачам отвечает стихомифия и в «Медее»⁵. В разговоре с Креонтом Медея понимает, что изгнание не удастся избежать, ее и детей не оставят в Коринфе. Удивительная симметрия стихов отличает это место драмы. Сначала речь Креонта из 8 строк (v. 316-323), затем 16 стихов стихомифии (v. 324-339), как бы удваивающих предыдущий монолог (ведь теперь их двое – людей, словно не слышащих друг друга). Затем слова Медеи тоже из 8 стихов (v. 340-347). Стихомифию начинает реплика Медеи, где стих представляет собой эллипс (v. 324): μή, πρός σε γονάτω τῆς τε νεογάμου κόρης. При отрицании пропущен глагол: «Не изгоняй!» (μή ἔκβαλλε), далее нет глагола мольбы (λίσσομαι), но асс. σε относится к пропущенному глаголу. Он восстанавливается из мольбы: «Ради колен (т.е. прошу, касаясь колен) и новобрачной дочери». Медея в отчаянной спешке, в глубоком волнении, словно проглатывает слова, боится, как бы ее не перебили, не приказали замолчать.

В тексте драмы много споров Медеи с Ясоном. Не всегда это стихомифия, чаще развернутые монологи, которые сродни риторическим λόγοι. Один наступает с упреками, другой отбивает их, софистически превращая недостатки в преимущества. Эти риторические агоны стихомифия делает бытовой супружеской перепалкой. От буквального значения глагола «палить», когда затяжные «бои» монологов находят «разрядку» в отдельных «выстрелах» оппонентов. В стихомифии (v. 605-608) начинает Ясон: «Ты сама избрала это, не вини никого другого». Медея язвительно отвечает: «А что я сделала? Разве вышла замуж и предала тебя?» Опять риторический вопрос (τί δρώσα), как в рассмотренном диалоге Одиссея и Неоптолема у Софокла. Это participium δρώσα относится к εἶλον в реплике Ясона (v. 605) – «что, делая [я выбрала это]», т.е. «в чем моя

⁵ Euripides. Tragödien. I. T. Medeia / von D.Ebener. Berlin, 1972.

вина?». В конце ссоры Медея намекает, что уничтожит весь дом Ясона (v. 608). В пятом эпизоде «Медеи» вернувшийся с детьми педагог рассказывает о том, как отдали дары дочери Креонта, и замечает, что Медея расстроена. Еврипид вводит короткую стихомифию в 6 стихов (v. 1008-1013), включая междометие αἰ αἰ, которым Медея откликается на рассказ. Педагог удивлен: «Но ведь это не подходит к тому, о чем я возвестил». Медея опять повторяет свое αἰ αἰ. Вероятно, боясь, что она разрыдается, и, не понимая такой реакции, педагог перехватывает инициативу разговора и, разделив с ней этот стих (v. 1009 – ἀντίλαβή), он продолжает в следующем стихе: «Не знаю, не ошибся ли я в доброй вести, сообщив какую-нибудь беду?» Медея отвечает, играя словами (v. 1011): «Ты сообщил, что сообщил», т. е. «что сказал – то сказал» – ἦγγεῖλας οἱ ἦγγεῖλας. Эту фразу она относит более к себе: «Содеянного не воротишь, что произошло – то произошло», думая об убийстве Главки и предстоящем убийстве детей. Данная стихомифия не ускоряет события, а наоборот замедляет то, что нельзя ни изменить, ни замедлить. Впервые Медея задумывается над тем ужасом, к которому она идет. Это только начало, самое страшное – убийство детей еще впереди. Заканчивает стихомифию Медея ссылкой на рок и богов, но к этому присоединяет и свою ответственность (v. 1013-1014): καὶ γὰρ ὡς φρονοῦσ' ἐμηχανησάμην – «И я [вместе с ними], задумавшая зло, осуществила [его], букв. «нашла средство (μηχανή) это сделать».

Итак, у дифирамбов не было потребности в стихомифии, потому что действие заменял рассказ о нем. Первым из известных нам трагиков ее вводит Эсхил. В силу условности ранней греческой драмы и ограниченности собственно драматических эффектов, связанных с действием, стихомифия помогала это действие имитировать. Она не просто ускоряет события, а заставляет их происходить на виду у зрителя, когда в словесных агонах зарождаются перемены, важные для создания образов героев, раскрываются их душевные искания и анализируются их поступки.